

Инновационное развитие (модернизация): социальные феномены и парадоксы

В.М. Нурков
к. соц. н., доцент(РГАИС)

Ю.А. Карпова
д. фил. н., профессор

В статье в контексте социологии инноватики проводится анализ различных трактовок понятия «модернизация». Обсуждается история возникновения этого понятия и парадоксы его современного использования, возникающие при соотнесении концепции инновационного развития и задач «догоняющей модернизации». Рассматривается проблема неоднозначности социальных последствий внедрения «новых технологий широкого использования», выявлен круг феноменов и парадоксов, определяющих эффективность функционирования инноваций в реальной социальной среде. Авторы приходят к выводу о необходимости активизации социологических исследований сложной системы взаимодействия инновационных и модернизационных процессов, осуществляемых на почве российской действительности.

Ключевые слова: инновация, инновационная деятельность, инновационное развитие, догоняющая модернизация.

Термин «модернизация», который является центральным в актуальном социально-политическом дискурсе, многозначен и по существу представляет собой смысловую ловушку. Использовать его интуитивно, без фиксации заложенных в нем смыслов методологически опасно. Как отмечает профессор Высшей школы экономики Л.В. Поляков «Имманентные смыслы так или иначе будут проступать сквозь беззаботные построения, приводя модернизационный дискурс к саморазрушению»¹.

Термин «модернизация» открыт различным интерпретациям, и конкретизация его использования в научном тексте представляется неоднозначной. Попробуем прояснить некоторые смыслы этого понятия, а также высказать гипотезы о возможных потенциальных смыслах.

«Догоняющая модернизация» являлась ключевым понятием (key-word) американского (Гарвардского) проекта начала 60-х г.г. XX века по перехвату инициатив Советского Союза в борьбе за влияние на процесс деколонизации Африки, Азии, Латинской Америки. Задача проекта состояла в том, чтобы предоставить народам, осуществившим национально-освободительные революции, некоторые альтернативы социалистическому пути. Парадигма догоняющей модернизации — это либерально-капиталистическая антитеза парадигме тоталитарно-социалистического подхода. Она обосновывает перспективу эволюционного перехода от обществ традиционного типа — аграрных, с недифференцированным религиозно-властным типом управления к обществам, которые позиционируются как современные, т. е. урбанизированные, индустриальные, светские с дифференци-

рованной политической властью западного образца. Иными словами, такое понимание модернизации устанавливает в качестве социальной нормы стандарты западного варианта капиталистического общества, а восточные социалистические общества попадают в разряд социальных патологий. Основная идея может быть сформулирована следующим образом: нормальные общества свободны и, следовательно, богаты, ненормальные — несвободны и, следовательно, бедны. Не важно, что в реальности модернизационный проект остался незавершенным, что богатые страны стали еще богаче, а бедные — беднее. Главный прикладной эффект теории догоняющей модернизации — СССР не смог выиграть борьбу за третий мир, впрочем проиграл борьбу и за второй.

Таким образом, обнаруживается генетический парадокс теории догоняющей модернизации — она изначально была идеологическим оружием Запада в холодной войне на пространстве третьих, развивающихся стран.

Какой операциональный смысл вкладывается в понятие «модернизация», какие изменения в инновационном развитии общества подразумеваются?

В социологии инноватики термин «модернизация» до сих пор считается дискуссионным. В целом можно согласиться, что модернизация связана с транзитом от традиционного общества к современному. Однако такое общее определение не дает возможности существенно продвинуться в понимании сути модернизации как процесса. В настоящее время сформировались две основные тенденции теоретического анализа модернизации. Во-первых, это понятие можно конкретизировать через системы изменений, которые

¹ ВЦИОМ. Мониторинг общественного мнения. Экономические и социальные перемены. Альманах 2011. С. 110.

осуществляются в различных сферах. Соответственно следует выделять технологическую, экономическую, культурную и т. д. модернизации. Таким образом, модернизация должна иметь системный, комплексный характер: «Все и параллельно». В определенной степени к процессу модернизации применима концепция основного звена, сформулированная В.И. Лениным во время Октябрьской революции 1917–1922 года. Приведем выдержку из работы американского социолога Н. Смелзера²: «Модернизация — комплексное, многомерное изменение, охватывающее шесть областей. В экономике наблюдаются: 1) появление новых технологий, 2) эволюция сельского хозяйства от источника средств существования семьи к работе на рынок, 3) переход от использования мускульной силы человека и животных к «неодушевленной» энергии и механизмам, 4) распространение городских типов поселений и пространственные концентрации рабочей силы. В политическом устройстве модернизация означает переход от власти вождя к избирательному праву, политическим партиям и демократическим институтам. В сфере образования — ликвидация неграмотности, рост ценности знаний и квалифицированного труда. В религиозной области — освобождение людей от влияния церкви. В сфере семейно-брачных отношений — ослабление внутрисемейных связей и все большая функциональная специализация семьи. В области стратификации — усиление значения мобильности, индивидуального успеха и ослабление предписаний в зависимости от занимаемого статуса». Впрочем, это определение оставляет открытым вопрос, можно ли считать модернизацией процесс, где присутствуют некоторые из указанных признаков и отсутствуют другие, а также, какие из характеристик процесса модернизации являются критически важными?

Известный социолог Петр Штомпка³ пишет: «В первом, общем смысле модернизация — это синоним всех прогрессивных социальных изменений, когда общество движется вперед соответственно принятой шкале улучшений. Второй смысл тождественен «современности», то есть означает комплекс социальных, политических, культурных и интеллектуальных трансформаций, происходивших на Западе с XVI века и достигших апогея в XX веке. Сюда включаются процессы индустриализации, урбанизации, рационализации, бюрократизации, демократизации, доминирующего влияния капитализма, распространение индивидуализма, мотивации успеха и т. д.

Еще одно специфическое значение термина «модернизация» относится к слаборазвитым обществам и описывает их усилия, направленные на то, чтобы догнать наиболее развитые страны, которые сосуществуют с ними в одном историческом времени, в рамках одного глобального общества.

Как нам представляется, основной конфликт, связанный с пониманием модернизации определя-

ется тем, трактуется ли модернизация как процесс сведения всего многообразия социо-культурных и экономических реалий к единой модели, либо траектории модернизации могут быть множественными и отражать различные системы ценностей иных регионов и государств. Эта проблема до сих пор не решена: часть исследователей ориентирована на единообразную модель западного образца, фактически ставя знак равенства между понятиями «модернизация» и «вестернизация», другие склонны ориентироваться на внутренние системы ценностей и соответственно на принятую в том или ином обществе последовательность изменений.

Исторически представление о модернизации как переходе к западной системе ценностей имело основание в объективных процессах социально-экономического развития. США и протестантская часть Западной Европы были первыми странами, совершившими качественный цивилизационный рывок, обеспечивший существенный рост экономики и стандартов жизни. Кстати доминирующая научная парадигма — структурный функционализм как сугубо западное направление мысли убеждает нас в том, что:

- современное общество противопоставляется традиционному, поскольку традиционное общество тормозит развитие, являясь инновационно толерантным;
- процесс развития прогрессивен и основан на инновациях;
- в странах третьего мира необходимо поощрять силы, способствующие уходу от традиции;
- в качестве преобразующих сил выступают либо внутренние — модернизаторские элиты, либо внешние — внедрение новых (западных) моделей образования, иностранных инвестиции;
- современные развивающиеся страны, в число которых включается и Россия, трактуются как дуалистические общества, обладающие дуалистической экономикой — частично традиционной, частично модернизированной;
- целью модернизации является формирование модели экономической и социальной жизни, характерной для Западной Европы и США;
- модернизация — это процесс, ведущий к однородности: если традиционные общества невероятно разнообразны, объединяет их только отсутствие современных черт, то современные общества обладают одинаковым набором основных качеств. Согласно концепции С.Хантингтона модернизация порождает тенденцию к сходству обществ⁴.

В то же время большинство попыток модернизации третьего мира оказались неуспешными, причем как руководимые извне с помощью международных организаций, так и управляемые изнутри страны. Практика модернизации успешных азиатских стран («азиатских тигров») показала, что модернизируемые

² Smelser N.J. Processes of social change // N.J. Smelser (Ed.). Sociology. An Introduction. N.Y. 1973. P. 747–748.

³ Штомпка П. Социология социальных изменений. М., Аспект Пресс, 1996. С. 169.

⁴ Хантингтон С. Модернизация, развитие и политика. М., 2008.

страны могут существенно отличаться от Запада ценностями, традициями и социальными институтами.

Противники трактовки «модернизации» как «вестернизации» исходят из того, что недоучет культурной специфики и навязывание единой универсальной модели приводит к провалу модернизационных проектов. Однако нет доказательств и того, что роль культурных факторов решающая. Так, известный американский экономист Уильям Истерли, автор резонансной книги «В поисках роста: приключения и злключения экономиста в тропиках» приводит чисто социологическое объяснение неудачам вестернизации: «не у всех лиц, которые могли бы повлиять на экономический рост, были нужные мотивации»⁵. Очень удачно по этому поводу высказался Г.Х. Попов в своем анализе уроков модернизации России в XX веке. «Важнейший урок: никакие подлинные реформы и модернизации невозможны без людей, беззаветно преданных делу перемен, поставивших интересы Родины и народа выше всего личного. Никаких реформаторов не вырастет из любителей отдыхать неделями, из посетителей горнолыжных курортов, из тех, кто свою работу на благо страны рассматривает не как величайшее счастье, а сравнивает с трудом «раба на галерах»⁶.

Николай Кондратьев⁷ и Йозеф Шумпетер⁸ убедительно показали, что экономические кризисы преодолеваются механизмами инновационного развития. Кстати, у китайцев понятие «кризис» обозначается двумя иероглифами: первый означает «беда», а второй — «развитие». Нам представляется, что поскольку Россия в связи с рядом объективных и субъективных обстоятельств оказалась в компании развивающихся стран, необходимо в большей степени использовать, выражаясь словами Александра Гершенкрона, «преимущества отсталости»⁹ — возможность широко заимствовать технологии и хозяйственные практики, доказавшие свою эффективность в более развитых экономиках. В то же время существует парадокс догоняющего развития, состоящий в том, что инновационная трансплантация институтов развитых экономик редко бывает успешной. Как и в медицине для успеха трансплантации требуется изощренная политика перехода от одних институтов и методов к другим.

Один из парадоксов инновационного догоняющего развития состоит в том, что правительства пытаются решить проблемы модернизации в минимальные сроки, стимулируя заимствование слишком передовых технологий, которые неработоспособны в несовершенной культурной, технологической и институ-

циональной среде. В свое время мы ввели понятие «инновационной сензитивности»¹⁰, т. е. чувствительности к инновациям на разных уровнях — личном, групповом, социальном и исследовали детерминанты контринновационного поведения¹¹. Работы по исследованию этого феномена продолжают. Тем не менее, нам бы хотелось обратить внимание на сходный, но в то же время относительно самостоятельный феномен абсорбционной способности, т. е. способности заимствования эффективных технологий и методов хозяйствования при постепенном наращивании своего собственного инновационного потенциала. Абсорбционная способность страны — способность распознавать ценность новой внешней информации, инкорпорировать ее и коммерциализировать. Уже стало привычным упоминать в качестве лидера абсорбционной стратегии Японию, но в настоящее время Япония является и инновационным лидером. Возможно, уместно вернуться или хотя бы учесть идеи Габриэля Тарда¹² начала прошлого века об инновационных практиках, где различаются инновации как созданное социально востребованное новое и имитации — воспроизведение нового.

Высока вероятность того, что в ближайшей перспективе нам придется думать о создании механизма инновационного развития, который сможет работать в условиях депрессивной экономической конъюнктуры. Существует достаточно много доказательств того, что кризис, начавшийся в 2007 году, имеет не финансовую природу, а вызван инновационной паузой в сочетании с завышенными ожиданиями, причина которых — длительный период быстрого роста. Гипотеза инновационной паузы (гипотеза В.М. Полтеровича) основывается на теории базисных инноваций или теории технологий широкого применения. Это по существу современная версия теории экономических циклов Кондратьева–Шумпетера. Базовая инновация или технология широкого спектра порождает множество вторичных инноваций, которые стимулируют разные отрасли экономики и иных сфер жизнедеятельности общества. Именно такие технологии определяют экономический рост. Электрический двигатель явился технологией широкого применения в 20-е годы прошлого века. Компьютеры, Интернет являлись стимуляторами роста вплоть до настоящего времени. Однако сфера возможностей технологий ограничена, эффективность и отчасти применение вторичных инноваций сужаются. Если возникает новая базовая инновация, то рост продолжается, в противном случае наступает инновационная пауза.

⁵ Истерли У. В поисках роста: приключения и злключения экономиста в тропиках. М., Институт комплексных стратегических исследований, 2006.

⁶ Попов Г.Х. За семьдесят пятый год жизни. Международный университет в Москве. М., 2011.

⁷ Кондратьев Н.Д. Основные проблемы экономической статистики и динамики. М., 1991.

⁸ Шумпетер Й. Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия / предисл. В. С. Автономова. М.: ЭКСМО, 2007.

⁹ Gershenkron A. Europe in the Russian Mirror. Cambridge University Press, 2008.

¹⁰ Карпова Ю.А., Нурков В.М. Социальные механизмы управления инновационной деятельностью и интеллектуальной собственностью / Социология инноватики: Доклады и выступления Первой международной конференции по социологии инноватики. Москва 24–26 ноября 2005 г. М., РГИИС, 2006.

¹¹ Нурков В.М. Социальные детерминанты контринновационного поведения // Инновации, 2011, №1 (147). С. 92–94.

¹² Тард Г. Социальная логика. Спб., 1996.

По утверждению академика РАН В.М. Полтеровича¹³ инновационная пауза — редкое явление, поскольку ей предшествует многолетний период роста, экономические агенты не успевают перестроить свои ожидания, продолжая рассчитывать на продолжение развития. Но со временем обнаруживается, что осуществленные ими инвестиции неэффективны. Наступает кризис. Кризис порожден исчерпанием возможностей старых «технологий широкого применения» и запаздыванием «технологий широкого применения» нового поколения. Если гипотеза Полтеровича справедлива, то западным экономикам предстоит многолетняя стагнация прежде, чем новые технологии станут базой очередного роста. Думается, что, понимая это, правительство США в качестве центральной антикризисной меры существенно увеличило расходы на исследования и разработки.

Социологическая интерпретация инноваций изменяется со временем. Действительно, для описания состояния какого-либо социального объекта больше подходит понятие становления, нежели существования. Еще относительно недавно изменения, как в технической, так и в социальной сферах отождествлялись с социальным прогрессом, затем популярной становится идея кризисов, при которых изменения, инновации проявляют негативные последствия, как правило, в связи с дефектами прогнозирования. В конце концов, появляется концепция, согласно которой сами по себе инновации могут нарушать нормальный ход социальной жизни, наносить членам общества своего рода удар, вызывать стресс и порождать состояние своеобразной травмы. Это так называемая третья парадигма Петра Штомпки¹⁴. Третья парадигма ориентирует субъектов инновационной деятельности на разработку совладающих стратегий, позволяющих уменьшить травмирующие эффекты инноваций.

В соответствии с разрабатываемой нами концепцией поуровневого анализа инновационных феноменов¹⁵ (персонологического, корпоративного, социетального уровней) нам следует проанализировать трансформацию этих феноменов при стратографическом транзите, но в связи с ограниченностью регламента затронем лишь феномены первого персонологического уровня. Итак, инновация позиционируется как технологический продукт, адекватный потребности пользователя — реципиента инновации. Например, у большинства людей существует потребность в регулировании, обеспечении необходимого порядка в своей деятельности. Кстати Гирт Хофштеде¹⁶ в своих получивших мировую известность кросскультурных исследованиях, выделял в качестве базовой социетальной потребности стремление избегать неопределенности,

неорганизованности среды. Новый технологический продукт изначально может быть ориентирован на повышение эффективности регулирования и снижение уровня неопределенности, однако в ряде случаев может приводить парадоксальным образом к противоположному результату. Такие широко распространенные технологические продукты как компьютер и ряд других как будто облегчают контроль над ситуацией и расширяют пространство свободы. При социологических исследованиях удовлетворенности пользователей инновационными продуктами¹⁷ типичным является следующий ответ интервьюируемого: «Я под давлением рекламы купил телефонный автоответчик, что, с одной стороны, дает возможность отвечать на все звонки, но с другой стороны, делает меня рабом автоответчика: первое, что я делаю, приходя домой, я прослушиваю запись и сажусь всех обзванивать. Впрочем, это не единственный случай, когда я становлюсь зависимым от инновации».

Социологические опросы свидетельствуют, что определенная часть людей сознательно отказываются от использования инноваций. Так, относительно автоответчиков около 15% потенциальных пользователей отказываются от них, поскольку им хочется оставить за собой свободу не делать ответные телефонные звонки, если не они являлись инициаторами вступления в коммуникацию. Значительное число людей — 35–40% настороженно относятся к идее внедрения в их жизнь большого количества техники в связи с тем, что уход за ней и ее эксплуатация требует слишком много сил и времени. Нам представляется, что в недалеком будущем сформируется ново-старая дисциплина — социология вещей. Попытка создания такой науки была в конце 20-х годов XX века. В настоящее время растет популярность и издается большое количество литературы квазиисторического направления — история вещей.

Следующий парадокс связан с оппозицией новый/устаревший. Потребители постоянно сталкиваются с ним в связи с потреблением высоко технологичных товаров. К тому моменту, как продукт выходит на рынок, он уже давно устарел в технологическом смысле. Купив новый ноутбук, соответствующий последнему слову техники, покупатели признают, что через несколько месяцев этот продукт уже устареет, и они будут мечтать о более свежих моделях. В обществе возникает стресс в связи с тем, что техника развивается слишком быстро. Многие люди утрачивают привычный уровень компетентности. Хочу напомнить, что мы по существу обосновываем актуальную программу эмпирических социологических исследований, которые могли бы стать основой модернизационной стратегии.

¹³ Стратегия модернизации Российской экономики. Под ред. академика В.М. Полтеровича. СПб, 2010.

¹⁴ Штомпка П. Социология социальных изменений. М., 1996.

¹⁵ Карпова Ю.А. Введение в социологию инноватики. М., Питер, 2004.

¹⁶ Hofstede G., & Hofstede G.J. (2004). Cultures and organizations: Software of the mind: Intercultural cooperation and its importance for survival. New York: McGraw-Hill.

¹⁷ David Glen Mick, Susan Furnier. Paradoxes of Technology: Consumer Cognizance, Emotions, and Coping Strategies. Journal of Consumer Research, Vol. 25. September 1998.

Доверие к науке традиционно сопровождалось глубокой убежденностью в том, что развитие и использование инноваций повышает интеллектуальный потенциал человека. Однако исследования последних лет¹⁸ по проблеме инновационных фобий, обнаружили, что страх перед сложностью новых инновационных продуктов является самой распространенной формой тревоги. Риски реальной трансформации социальной направленности инноваций, особенно тех, которые находятся в стадии глубокой диффузии, т. е. инертного распространения, выявляют проблему «эффективность / неэффективность». Инновации как технологические продукты в практике призваны экономить время на выполнение конкретной деятельности, однако они неожиданно для потребителя могут увеличивать затраты. Этот парадокс связан не только с высоко технологичными продуктами, такими как компьютеры, но и с относительно низко технологичными, например, пылесос, соковыжималка.

Особая проблема социологического исследования — выявление и профилактика трудностей, возникающих перед наивным пользователем в связи с управлением новой техникой на основе прилагаемых инструкций по пользованию. Руководства по использованию сложных технических средств проектируются неквалифицированно, поэтому около 85% инструкций доступны лишь узким специалистам. Например, научный работник, покупающий новую модель компьютера, сообщает: «Он (компьютер) в принципе позволит мне делать то, что я не могу делать без него с приемлемым стандартом. Но скорее всего, я не стану делать это, поскольку инструкции вне моего понимания, а просто возьму материал с со-

бой на работу и попрошу сделать это для меня того, кто разбирается в этой новой технологии». Как будто новая технология содержит потенциал возможностей пользователя и в этом смысле технологические продукты повышают компетентность. Однако, чем более технологически сложен продукт, тем труднее для среднего пользователя понять, как и почему он работает, что он в принципе может сделать. Это становится тайной. Существенные фрагменты человеческой деятельности выходят из-под контроля, что порождает у человека чувство некомпетентности. Иными словами, первый раз в человеческой истории мы живем в сотрудничестве с техническими устройствами, чье первое свойство — заставить нас удивиться. Мы оказываемся не готовы к вызовам времени. Интересно, что спектр проблем, с которыми сегодня сталкиваются пользователи современных IT-технологий, был предсказан и проанализирован учеными еще 40 лет назад (работы О.К. Тихомирова и его школы в МГУ имени М.В. Ломоносова^{19,20}). Другое дело, что по объективным и субъективным причинам эти идеи не получили прикладного развития.

Таким образом, сегодня нам вновь приходится признать актуальность проблемы прогнозирования социальных последствий введения инноваций, а по существу проблемы компетентности авторов инноваций. От того, в какой мере ими осознаются процессы функционирования технологического продукта в реальной социальной среде, зависит успех инновационного развития России. Проведенный анализ побуждает предложить идею проведения следующей конференции по теме: «Инновационные практики: социальные проблемы функционирования инноваций и технологии их преодоления».

Назв. Англ.

Автор англ.

In this article various interpretations of the concept of «modernization» are considered in the context of Sociology of innovation. The article traces the evolution and different meanings of the notion «modernization», describes the main characteristic features of the process «catch up» modernization, and forecasts social problems which can be related to the functioning of innovations in society. We discuss some paradoxes that occur when you reference the concept of innovation development and the efforts of modernization. The main problem is the ambiguity of social impact of the introduction of the new technology, a range of phenomena and the paradoxes of innovation efficiency in real social environment. The authors conclude the need for intensification of sociological studies of the complex system of interaction between innovation and modernization processes in Russia.

Key words: *innovation, innovative activity, innovative development, «catch up» modernization.*

---

¹⁸ Нурков В.М. Социология инновационных фобий / Инновации. Спб., 2009, № 10.

¹⁹ Человек и компьютер / Под ред. и с предисловием проф. О.К. Тихомирова. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1972.

²⁰ Человек и ЭВМ / Под ред. О.К. Тихомирова. М.: Экономика, 1973.